

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.77
DOI 10.34822/2312-3419-2019-4-84-89

Ершова К. А.
Ershova K. A.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНЫМ ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМ НА ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ

RELEVANT ISSUES OF COUNTERING CRIMINAL OFFENCE AGAINST NATURAL RESOURCES

В статье исследованы вопросы противодействия преступлениям в экологической сфере. Проанализирована связь экологических преступлений с деяниями, совершаемыми организованными группами и преступными сообществами. Указано на использование юридических лиц при совершении экологических преступлений. Обоснована повышенная опасность подобных преступлений. Сделан вывод о возможности признания организации субъектом уголовной ответственности за совершение экологических преступлений.

The article explores the issues of environmental crimes prevention. The connection of environmental crimes to acts carried by gangs and criminal communities is analyzed. The article indicates the use of legal entities during the commission of environmental crimes. The high danger of such crimes is explained. A conclusion is drawn on the possibility of recognizing the organization as a subject of criminal liability for committing environmental crimes.

Ключевые слова: экологические преступления, юридические лица, организованная преступность.

Keywords: environmental crimes, legal entities, organized crime.

Жизнь человека неразрывно связана с окружающей средой. Человек – часть природы, его здоровье и благополучие зависят от безопасности окружающей среды. Неблагоприятные внешние условия оказывают негативное влияние не только на современное человечество, но и на будущие поколения людей. Ст. 42 Конституции РФ гарантирует право граждан на благоприятную природную среду. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года в п. 24 и 85 устанавливает, что стратегическими целями обеспечения экологической безопасности являются обеспечение рационального природопользования и ликвидация экологических последствий хозяйственной деятельности человека [1]. Казалось бы, окружающая природная среда охраняется на всех уровнях, официальная статистика отмечает снижение числа зарегистрированных преступлений, предусмотренных гл. 26 УК РФ. Согласно данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, за последние десять лет пик экологических преступлений пришелся на 2009 год [2]. Количество зарегистрированных преступлений в сфере природопользования с 2009 по 2018 г. уменьшилось практически в два раза (таблица).

Таблица

Количество зарегистрированных экологических преступлений

Год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Кол-во	46 607	39 155	29 151	27 583	24 728	25 566	24 856	23 688	24 379	23 899

За последние три года (за периоды с января по май) количество зарегистрированных экологических преступлений незначительно снижается: в 2017 г. – 9 321, в 2018 г. – 9 120, в 2019 г. – 9 011 [2].

Несмотря на оптимистичные статистические отчеты, большинство исследователей не согласны с официальной оценкой состояния экологической преступности и указывают, что основной причиной улучшения статистики по совершенным преступлениям является высокая латентность экологических преступлений (стремящаяся к 100 %), причинами которой криминологи называют не только низкий уровень квалификации и технической оснащенности субъектов, уполномоченных заниматься пресечением и расследованием преступлений, посягающих на экологическую безопасность, но и особенность диспозиций статей, затрудняющую работу правоприменителя [3].

Так, М. Ю. Дворецкий и Н. В. Краснослободцева указывают, что «статистические данные свидетельствуют о тенденции устойчивого роста экологических преступлений, ... а латентность экологической преступности, по экспертным оценкам, достигает 95–97 %, особенно в отношении добычи водных биоресурсов, лесопользования» [4, с. 68].

Проблема высокой латентности экологической преступности характерна и для других государств. Согласно исследованиям профессоров М. Х. Матаевой и Н. К. Мукашевой, латентность преступлений в сфере нарушения водного законодательства в Казахстане достигает почти 100 %. В качестве примера они приводят данные о том, что по ст. 281 Уголовного кодекса РК «Загрязнение, засорение и истощение вод» в 2010–2012 гг. не было зарегистрировано ни одного преступления [5].

При этом ущерб от преступной деятельности остается колоссальным, а процент расследованных уголовных дел и вынесенных приговоров остается крайне низким.

Помимо низкой раскрываемости экологических преступлений, условиями, способствующими росту числа экологических преступлений, являются размытые формулировки закона и разъяснений судебной практики. Несоразмерно маленькие санкции не могут обеспечить достижения целей уголовного наказания.

О какой превенции либо восстановлении социальной справедливости может идти речь, если субъекту проще заплатить штраф и продолжить преступную деятельность, чем отказаться от дополнительного дохода.

Экологические преступления совершаются отдельными гражданами, группами лиц по предварительному сговору, организованными группами. Чаще всего к уголовной ответственности привлекают отдельных граждан. Например, за последний год в Свердловской области было вынесено 43 приговора по ч. 2 и ч. 3 ст. 260 УК РФ [6], из них только 7 приговоров в отношении группы лиц по предварительному сговору и ни одного в отношении организованной группы лиц. Такая ситуация характерна и для других регионов. Как указывает И. В. Лавыгина, масштабные незаконные вырубki леса осуществляются организованными преступными группами. Несмотря на то, что незаконная рубка лесных насаждений осуществляется организованными группами, к уголовной ответственности привлекается лишь один из исполнителей, при рассмотрении уголовного дела по ст. 260 УК РФ групповой способ зачастую не учитывается [7]. Таким образом осуществляется уход от ответственности большей части преступной группы. Автор статьи справедливо указывает, что незаконные рубки совершаются в целях последующего вывоза древесины за рубеж.

Аналогичного мнения придерживаются В. И. Гладких и А. Н. Сухаренко, делая вывод о высоком уровне криминализации природоресурсных отраслей экономики; по их данным, объем экспорта в Китай некоторых пород ценной древесины в 2004–2011 гг. превысил объем разрешенного лесопользования в 2–4 раза [8, с. 27].

Схожей позиции придерживаются и другие исследователи. Так, В. Зубкова и Н. Соколов указывают: «Практика свидетельствует, что услугами браконьеров в основном пользуются достаточно крупные заготовители и поставщики леса, не желающие тратить свои средства на законную заготовку древесины» [9, с. 52]. Подобная схема возможна только при ор-

ганизации преступной деятельности на высоком уровне: для легализации доходов, заключения договоров необходимы юридические лица различной организационно-правовой формы.

Несмотря на то, что значительный ущерб экологическим правоотношениям наносится организованными группами, к уголовной ответственности привлекаются лишь отдельные граждане, совершающие преступления в личных целях. Организованные масштабные преступления не выявляются, остаются нерасследованными; виновные лица к ответственности не привлекаются.

И. В. Лавыгина в своей работе [7] исследует преступление, предусмотренное ст. 260 УК РФ. Между тем организованные преступные группы посягают и на другие предметы экологических правоотношений.

Ситуация, сходная с незаконными рубками, складывается в сфере посягательства на иные биологические ресурсы. В. А. Кондрашина, исследуя проблему браконьерства, указывает: «браконьерство в Российской Федерации уже давно приобрело характер организованной преступной деятельности, нередко осуществляемой должностными лицами с использованием служебного положения, коррумпированных связей, с применением современных промысловых орудий лова и других технических средств» [10, с. 27]. Аналогичной позиции придерживается О. В. Хренков: «по оценкам экспертов ... стоимость водных биологических ресурсов, незаконно перемещенных с 1999 по 2013 гг. из РФ в Японию, Китай, США, Норвегию, превышает 14 млрд долларов США Основная масса лиц, привлеченных к уголовной ответственности за незаконную добычу водных биологических ресурсов – местные жители, совершающие одиночные преступления» [3, с. 16]. По мнению О. В. Хренкова, проблему незаконной добычи и перемещения через государственную границу водных биологических ресурсов, добываемых в особо крупном размере, можно решить при признании организации субъектом преступления, предусмотренного ст. 256 УК РФ. При этом деяние юридического лица следует признавать преступным, если есть все признаки объективной стороны состава преступления. Вину, по мнению автора, следует устанавливать тем же способом, что и в административном праве [3].

Таким образом, экологические преступления совершаются организованными группами. Организованные группы, осуществляющие противоправное изъятие природных ресурсов, являются первым звеном в цепочке взаимосвязанных преступлений. Второй этап преступной деятельности заключается в незаконном перемещении природных ресурсов через государственную границу России. В дальнейшем природные ресурсы реализуются на территории других государств. Полученные средства легализуются. Юридические лица используются в перемещении и продаже незаконно приобретенных природных ресурсов. Легализация доходов, полученных в результате реализации данных ресурсов, также происходит посредством организаций.

Официальные лица не указывают проблему, неоднократно поднимавшуюся наукой, – проблему совершения экологических преступлений организованными группами и преступными сообществами. С целью обогащения подобные организованные группы занимаются незаконным изъятием природных ресурсов в промышленных масштабах. Полученные ресурсы перемещаются через государственную границу России, продаются зарубежным компаниям, полученные средства легализуются.

Преступления, предусмотренные ст. 256, 258, 260 УК РФ, являются посягательствами на экологическую безопасность, связанными с противоправным изъятием природных ресурсов. Указанные преступления чаще всего совершаются с корыстным мотивом. Само по себе приобретение природных ресурсов преступным путем зачастую является лишь промежуточным этапом. Действия виновных лиц направлены на сбыт природных ресурсов, в результате чего приобретается материальная выгода, получение которой и является конечной целью совершения преступления. При совершении экологических преступлений виновные лица не платят налоги и лицензионные сборы, наносят таким образом урон государству как в виде прямого ущерба – количественного снижения природных ресурсов, так и в виде упущенной

выгоды – непоступления средств в бюджет. В большинстве же случаев добавляется полное разрушение мест обитания фауны, в том числе находящейся на грани исчезновения из-за нарушения технических регламентов и условий хозяйственной деятельности. Подобную деятельность в крупных масштабах осуществляют организованные преступные группы и организованные преступные сообщества. При этом, если указанная группа или сообщество совершают преступления, предусмотренные особо квалифицированными составами ст. 258.1 УК РФ или 260 УК РФ, при наличии признаков, закрепленных в ч. 4 ст. 35 УК РФ, возможна дополнительная квалификация по ст. 210 УК РФ, что соответствует качественным и количественным признакам общественной опасности посягательства на природные ресурсы, совершенного в особо крупном размере устойчивой, структурированной группой.

Вместе с тем преступления, предусмотренные всеми частями ст. 256 УК и 258 УК РФ, не относятся к категориям тяжких. Следовательно, даже если они совершаются преступной организацией, соответствующей признакам организованного преступного сообщества, невозможно дополнительное применение ст. 210 УК РФ, так как преступления, ради которых создается преступное сообщество, не отнесены к категории тяжких либо особо тяжких, в связи с чем утрачивается один из обязательных признаков преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ. Таким образом, несмотря на колоссальный ущерб водным биологическим ресурсам, причиняемый преступлениями, совершаемыми хорошо организованными структурированными группами, о котором ранее писалось в настоящей работе, исключается дополнительная квалификация по ст. 210 УК РФ. Помимо этого, как справедливо указывает О. Л. Дубовик, браконьерство нередко сопряжено с применением насилия в отношении лиц, в чьи обязанности входит охрана компонентов окружающей природной среды [11, с. 58], что также повышает степень общественной опасности деяния и влечет необходимость изменения категории преступлений, предусмотренных квалифицированными и особо квалифицированными составами ст. 256 и 258 УК РФ. В итоге наказуемость деяния оказывается несоразмерно ниже характера и степени его общественной опасности. Сложно не согласиться с мнением профессоров И. Я. Козаченко и Р. Д. Шарапова о необходимости изменения категории экологических преступлений, особенно применительно к групповой деятельности и использованию юридических лиц [12]. Целесообразно внести статьи, устанавливающие ответственность за экологические преступления, в перечень деяний, за совершение которых применяется конфискация доходов, полученных в результате преступной деятельности.

Юридические лица активно используются в совершении преступлений экономической и экологической направленности. Объективная сторона деяний чаще всего выполняется организациями. А. М. Максимов и М. Л. Прохорова, исследуя проблемы браконьерства, пришли к выводу, что наибольшую опасность представляет организованное браконьерство и контрабанда природных ресурсов [13]. Данные преступления с учетом высокой степени организации и транснационального характера совершаются организованными преступными группами и преступными сообществами с использованием юридических лиц. При этом к ответственности в большинстве случаев привлекаются рядовые исполнители. Руководитель юридического лица может быть привлечен к ответственности в исключительных случаях. Организатор преступной группы, как и юридическое лицо, осуществляющее деятельность с нарушением правил экологического законодательства, остается безнаказанным. Таким образом, организации решают корпоративные задачи преступными способами. В самом худшем для них случае к уголовной ответственности будет привлечен один из директоров, само юридическое лицо избежит ответственности и продолжит дальнейшую деятельность противоправными методами.

Проблемы незаконной добычи в больших объемах характерны и для водных биологических ресурсов. В Японском море незаконной добычей камчатского краба и иных биологических ресурсов занимаются как организованные группы, состоящие из граждан Российской Федерации, так и организованные преступные группы, состоящие из граждан других государств.

Незаконная добыча природных ресурсов чаще всего осуществляется организованными межнациональными группами под нейтральными флагами. В случае задержания судна браконьеров единственным формальным виновным становится капитан судна. Причем, как указывает О. В. Хренков, риск задержания рассматривается как нормальное явление при данной деятельности и, как правило, дополнительно оплачивается. Ни команда, ни наниматель капитана, который чаще всего является юридическим лицом, ответственности не подлежат. В результате исключается как квалификация совершения преступления групповым способом, так и возможность привлечь организатора преступления [3].

Незаконная добыча природных ресурсов является первым преступлением в цепочке организованной преступной деятельности. Полученный ресурс необходимо передать покупателям, а полученные средства легализовать. Чаще всего покупатель и контрагент преступных посягательств на природные ресурсы являются корпорацией, осуществляющей деятельность на территории соседнего государства. Последующие действия, направленные на незаконную продажу биологических ресурсов, полученных преступным путем, чаще всего осуществляются на территории иностранного государства. Для незаконного перемещения природных ресурсов через государственную границу РФ и их последующей продажи используются юридические лица. Организации также используются для легализации средств, полученных в результате совершения экологических преступлений. Таким образом, без привлечения к преступной деятельности организаций первичные преступления – посягательства на природные ресурсы – теряют смысл.

В настоящее время уголовной ответственности подлежат только физические лица. Привлечение к уголовной ответственности руководителя не способно прекратить преступную деятельность организации, особенно в тех случаях, когда основная цель деятельности организации – участие в противоправных действиях. Руководитель организации (чаще всего номинальный) даже будучи привлеченным к уголовной ответственности, замещается иным физическим лицом, преступная деятельность организации продолжается.

Гражданская, административная, иные формы правовой ответственности не эффективны при пресечении преступлений, совершаемых организациями. Причины видятся в несоизмерно низких санкциях, сложности приостановления либо запрета деятельности организаций; невозможности применения конфискации имущества даже в тех случаях, когда удается доказать преступность его происхождения. Пока к уголовной ответственности привлекается только физическое лицо, иные меры уголовно-правового характера могут быть применены только к нему. Юридическое лицо и его руководитель – разные субъекты ответственности в гражданском и административном праве. В современном уголовном праве организация может быть лишь потерпевшим либо средством совершения преступления. Таким образом, на нее не могут быть возложены обязанности совершения действия, в том числе компенсационного характера, в связи с совершенным преступлением.

Иная проблема связана с процессуальными моментами. Полноценное дознание по большинству дел об экологических правонарушениях не проводится, оперативно-розыскные мероприятия и полноценное следствие предусмотрены законом далеко не по всем преступлениям. И если по квалифицированным составам ст. 250–252 УК РФ, 258.1 УК РФ возможно предварительное расследование в форме следствия, то по всем частям ст. 256, 258 УК РФ, в соответствии со ст. 150 УПК РФ, проводится дознание, что с учетом сжатых сроков расследования вызывает затруднение в установлении признаков экологического преступления и приводит к невозможности доказать как наличие самого противоправного деяния, так и причастность к нему конкретных физических и юридических лиц. Как следствие, большинство противоправных действий, посягающих на экологические отношения, остаются безнаказанными, что подтверждается приведенной ранее статистикой о низком уровне зарегистрированных и расследованных преступлений в сфере экологии с одновременным ухудшением состояния природной среды. На это неоднократно указывали исследователи [11, 7].

В случае привлечения к уголовной ответственности организации и последующей невозможности распорядиться имуществом, полученным преступным путем, и легализовать его, экологические преступления теряют смысл. Введение уголовной ответственности юридических лиц не сможет предотвратить все экологические преступления. Тем не менее признание юридического лица субъектом преступления и уголовной ответственности позволит снизить количество совершаемых преступлений в сфере природопользования.

Литература

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Рос. Федерации от 12 мая 2009 г. № 537. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Министерство внутренних дел РФ : офиц. сайт URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 27.06.2019).
3. Хренков О. В. Проблемы правоохранительной деятельности в сфере незаконного оборота водных биологических ресурсов // Рос. судья. 2017. № 6. С. 15–18.
4. Дворецкий М., Краснослободцева Н. Проблемные аспекты борьбы с экологическими преступлениями: вопросы теории и правоприменительной практики // Рос. юстиция. 2013. № 5. С. 68–70.
5. Матаева М. Х., Мукашева Н. К. К вопросу о решении экокriminalогических задач в контексте реализации права граждан на благоприятную окружающую среду // Криминол. журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. 2014. № 1. С. 135–143.
6. Справочная система ГАС «Правосудие». URL: <https://bsr1.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 19.04.2018).
7. Лавыгина И. В. Организованные формы незаконной рубки лесных насаждений // Криминол. журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. 2013. № 3. С. 135–142.
8. Гладких В. И., Сухаренко А. И. Экономическая преступность как угроза региональной безопасности (на примере Дальнего Востока) // Рос. следователь. 2015. № 12. С. 26–31.
9. Зубкова В., Соколов Н. Проблемы применения законодательства о незаконной порубке лесных насаждений по УК РФ // Уголов. право. 2007. № 2. С. 50–54.
10. Кондрашина В. А. К вопросу о несовершенстве правового механизма защиты от незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов // Криминол. журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. 2008. № 4. С. 27–30.
11. Дубовик О. Л. Квалифицирующие признаки экологических преступлений по УК РФ // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 1. С. 55–62.
12. Козаченко И. Я., Шарапов Р. Д. Международные стандарты экологической безопасности на региональном и национальном уровнях. Экология и уголовное право: поиск гармонии : материалы Междунар. науч.-практич. конф., посвященной подготовке XXII олимпийских зимних и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в г. Сочи. (Геленджик 6-9 октября 2011 г.). Краснодар : Изд-во «ЭДВИ», 2011. С. 128–152.
13. Максимов А. М., Прохорова М. Л. Вопросы обеспечения безопасности животного мира в Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Теория и практика обществ. развития. 2018. № 7 (125). С. 82–87.